

* * *

МОЛИТВА

Униженьями и страхом
Заставляют быть нас прахом,
Гасят в душах божий свет.
Если гордость мы забудем,
Мы лишь серой пылью будем
Под колесами карет.

Можно бросить в клетку тело,
Чтоб оно не улетело
Высоко за облака,
А душа сквозь клетку к богу
Все равно найдет дорогу,
Как пушиночка, легка.

Жизнь и смерть - две главных вещи.
Кто там зря на смерть клеветает?
Часто жизни смерть нежней.
Научи меня, Всевышний,
Если смерть войдет неслышно,
Улыбнуться тихо ей.

Помоги, господь,
Все перебороть,
Звезд не прячь в окошке,
Подари, господь,
Хлебушка ломоть -
Голубям на крошки.

Тело зябнет и болеет,
На кострах горит и тлеет,
Истлевает среди тьмы.
А душа все не сдаётся.
После смерти остается
Что-то большее, чем мы.

Остаемся мы по крохам:
Кто-то книгой, кто-то вздохом,
Кто-то песней, кто - дитем,
Но и в этих крошках даже,
Где-то, будущего дальше,
Умирая, мы живем.

Что, душа, ты скажешь богу,
С чем придешь к его порогу?
В рай пошлет он или в ад?
Все мы в чем-то виноваты,

Но боится тот расплаты,
Кто всех меньше виноват.

Помоги, господь,
Все перебороть,
Звезд не прячь в окошке,
Подари, господь,
Хлебушка ломоть –
Голубям на крошки.

1996

Идут белые снеги,
как по нитке скользят...
Жить и жить бы на свете,
но, наверно, нельзя.

Чьи-то души бесследно,
растворяясь вдали,
словно белые снеги,
идут в небо с земли.

Идут белые снеги

Идут белые снеги...
И я тоже уйду.
Не печалюсь о смерти
и бессмертья не жду.

я не верую в чудо,
я не снег, не звезда,
и я больше не буду
никогда, никогда.

И я думаю, грешный,
ну, а кем же я был,
что я в жизни поспешной
больше жизни любил?

А любил я Россию
всею кровью, хребтом –
ее реки в разливе
и когда подо льдом,

дух ее пятистенков,
дух ее сосняков,
ее Пушкина, Стеньку
и ее стариков.

Если было несладко,
я не шибко тужил.
Пусть я прожил нескладно,
для России я жил.

И надеждою маюсь,
(полный тайных тревог)
что хоть малую малость
я России помог.

Пусть она позабудет,
про меня без труда,
только пусть она будет,
навсегда, навсегда.

Идут белые снеги,
как во все времена,
как при Пушкине, Стеньке
и как после меня,

Идут снеги большие,
аж до боли светлы,
и мои, и чужие
заметая следы.

Быть бессмертным не в силе,
но надежда моя:
если будет Россия,
значит, буду и я.

1965

Всегда найдется женская рука,
чтобы она, прохладна и легка,
жалая и немножечко любя,
как брата, успокоила тебя.

Всегда найдется женское плечо,
чтобы в него дышал ты горячо,
припав к нему беспутной головой,
ему доверив сон мятежный свой.

Всегда найдутся женские глаза,
чтобы они, всю боль твою глуша,
а если и не всю, то часть ее,
увидели страдание твое.

Но есть такая женская рука,
которая особенно сладка,
когда она измученного лба
касается, как вечность и судьба.

Но есть такое женское плечо,
которое неведомо за что
не на ночь, а навек тебе дано,
и это понял ты давным-давно.

Но есть такие женские глаза,
которые глядят всегда грустя,

и это до последних твоих дней
глаза любви и совести твоей.

А ты живешь себе же вопреки,
и мало тебе только той руки,
того плеча и тех печальных глаз...
Ты предавал их в жизни столько раз!

И вот оно - возмездье - настает.
"Предатель!" - дождь тебя наотмашь бьет.
"Предатель!" - ветки хлещут по лицу.
"Предатель!" - эхо слышится в лесу.

Ты мечешься, ты мучишься, грустишь.
Ты сам себе все это не простишь.
И только та прозрачная рука
простит, хотя обида и тяжка,

и только то усталое плечо
простит сейчас, да и простит еще,
и только те печальные глаза
простят все то, чего прощать нельзя...

1961

Над Бабьим Яром памятников нет.
Крутой обрыв, как грубое надгробье.
Мне страшно.

Мне сегодня столько лет,
как самому еврейскому народу.

Мне кажется сейчас -
я иудей.

Вот я бреду по древнему Египту.
А вот я, на кресте распятый, гибну,
и до сих пор на мне - следы гвоздей.
Мне кажется, что Дрейфус -
это я.

Мещанство -
мой доносчик и судья.
Я за решеткой.
Я попал в кольцо.
Затравленный,
оплеванный,
оболганный.

И дамочки с брюссельскими оборками,
визжа, зонтами тычут мне в лицо.
Мне кажется -
я мальчик в Белостоке.
Кровь льется, растекаясь по полам.
Бесчинствуют вожди трактирной стойки
и пахнут водкой с луком пополам.
Я, сапогом отброшенный, бессилён.
Напрасно я погромщиков молю.

Под гогот:

"Бей жидов, спасай Россию!" -
насилует лабазник мать мою.

О, русский мой народ! -

Я знаю -
ты

По сущности интернационален.

Но часто те, чьи руки нечисты,
твоим чистейшим именем бряцали.
Я знаю доброту твоей земли.

Как подло,

что, и жилочкой не дрогнув,
антисемиты пышно нарекли
себя "Союзом русского народа"!

Мне кажется -

я - это Анна Франк,
прозрачная,
как веточка в апреле.

И я люблю.

И мне не надо фраз.

Мне надо,

чтоб друг в друга мы смотрели.

Как мало можно видеть,

обонять!

Нельзя нам листьев

и нельзя нам неба.

Но можно очень много -

это нежно

друг друга в темной комнате обнять.

Сюда идут?

Не бойся - это гулы

самой весны -

она сюда идет.

Иди ко мне.

Дай мне скорее губы.

Ломают дверь?

Нет - это ледоход...

Над Бабьим Яром шелест диких трав.

Деревья смотрят грозно,

по-судейски.

Все молча здесь кричит,

и, шапку сняв,

я чувствую,

как медленно седею.

И сам я,

как сплошной беззвучный крик,

над тысячами тысяч погребенных.

Я -

каждый здесь расстрелянный старик.

Я -

каждый здесь расстрелянный ребенок.

Ничто во мне

про это не забудет!

"Интернационал"

 пусть прогремит,
когда навеки похоронен будет
последний на земле антисемит.
Еврейской крови нет в крови моей.
Но ненавистен злобой заскорузлой
я всем антисемитам,
 как еврей,
и потому -
 я настоящий русский!

1961

НЕ ИСЧЕЗАЙ

Не исчезай... Исчезнув из меня,
развоплотясь, ты из себя исчезнешь,
себе самой навеки изменяя,
и это будет низшая нечестность.

Не исчезай... Исчезнуть — так легко.
Воскреснуть друг для друга невозможно.
Смерть втягивает слишком глубоко.
Стать мертвым хоть на миг — неосторожно.

Не исчезай... Забудь про третью тень.
В любви есть только двое. Третьих нету.
Чисты мы будем оба в Судный день,
когда нас трубы призовут к ответу.

Не исчезай... Мы искупили грех.
Мы оба неподсудны, невозбранны.
Достойны мы с тобой прощенья тех,
кому невольно причинили раны.

Не исчезай. Исчезнуть можно вмиг,
но как нам после встретиться в столетьях?
Возможен ли на свете твой двойник
и мой двойник? Лишь только в наших детях.

Не исчезай. Дай мне свою ладонь.
На ней написан я — я в это верю.
Тем и страшна последняя любовь,
что это не любовь, а страх потери.

1977

УХОДЯТ МАТЕРИ

Р. Поспелову

Уходят наши матери от нас,
уходят потихонечку,
 на цыпочках,
а мы спокойно спим,
 едой насытившись,
не замечая этот страшный час.
Уходят матери от нас не сразу,

нет —
нам это только кажется, что сразу.
Они уходят медленно и странно
шагами маленькими по ступеням лет.
Вдруг спохватившись нервно в кой-то год,
им отмечаем шумно дни рожденья,
но это запоздалое раденье
ни их,

ни наши души не спасет.
Все удаляются они,
все удаляются.
К ним тянемся,
очнувшись ото сна,
но руки вдруг о воздух ударяются —
в нем выросла стеклянная стена!
Мы опоздали.

Пробил страшный час.
Глядим мы со слезами потаенными,
как тихими суровыми колоннами
уходят наши матери от нас...

1960